

Уварцум

испытание яростью

Василий Копылов

Василий Копылов

Увариум – испытание яростью

«Автор»

2026

Копылов В. В.

Увариум – испытание яростью / В. В. Копылов — «Автор», 2026

«Во мне нет магии. Только ярость — и её боятся все волшебники». Василий — позор семьи магов. Он не способен даже на простое заклинание. Но в день нападения тёмной ведьмы в нём просыпается нечто опасное: первобытная ярость, сжигающая всё на пути. Теперь его зачисляют в «Увариум» — легендарную академию в Чёрной горе. Но это ловушка. Чтобы остаться, он должен пройти испытание Фонтана истины. Как пройти испытание души тому, чья сила рождается из гнева? Почему древнее кольцо жадно пьёт его ярость? История о магии, которая не подчиняется заклинаниям, а повинуетя только эмоциям. И о выборе: стать оружием или научиться владеть своим внутренним монстром.

Василий Копылов

Увариум – испытание яростью

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ

Леденящий душу женский смех и столб фиолетового пламени – этого должно было хватить, чтобы я проснулся в холодном поту. Но сон цеплялся за меня липкими пальцами, заставляя снова и снова проживать тот миг, когда тёмная фигура поворачивалась, и в её руках вспыхивало нечто ослепительное...

Я дёрнулся, отрывая лоб от холодного стекла. За окном лил летний дождь, и капли, словно слёзы, медленно сползали по стёклам. Казалось, сама природа оплакивала моё позорище, случившееся час назад.

В ушах до сих пор стоял ледяной голос репетитора:

«Сергей Фёдорович, Мария Викторовна... Магический потенциал вашего сына, мягко говоря, стремится к нулю. Умножение предметов – базовое заклинание. Если он не способен на это...»

Он не договорил, лишь развёл руками с таким видом, будто объявлял о неизлечимой болезни.

В гостиной за стеной царила звенящая тишина, которую вдруг разорвал резкий звук – словно что-то тяжёлое и стеклянное швырнули на пол. Я инстинктивно вжался в подоконник.

Дверь в мою комнату с треском распахнулась. На пороге стоял отец. Его лицо было бледным, но по скулам расползались багровые пятна. Галстук он дёрнул с такой силой, что тот треснул по шву.

«Третий за полгода!» – его голос был низким, шипящим, как раскалённый металл, опущенный в воду. Он бросил на туалетный столик щётку для волос – серебряная спинка жалобно звякнула, а зеркало содрогнулось, искажая его ярость. – «Я им золото плачу! А они не могут научить моего сына поднять в воздух клочок бумаги!»

Его зелёные глаза, обычно спокойные, сейчас сверкали, как у загнанного зверя. Он резко обернулся ко мне, и я невольно отпрянул, ударившись спиной о радиатор.

«Всё, хватит нянек. Приду с работы – сам займусь твоим обучением. Посмотрим, что ты там за фокусы выделываешь».

Фраза повисла в воздухе не обещанием, а приговором. Он развернулся и вышел, тяжёлые шаги его потонули в скрипе паркета.

Мне нужно было куда-то деться. Выскользнув из комнаты, я на ходу скомкал из старой газеты самолётик и, добежав до лестницы, швырнул его через перила. Бумажный клинок плавно спланировал вниз и приземлился аккуратно у полированных туфель отца, как раз надевавшего пальто.

Он замолчал на полуслове, разговаривая с мамой. Нагнулся, поднял самолётик, развернул. Лицо его стало каменным.

«Посмотри, Мария, – сказал он ледяным тоном, от которого кровь стыла в жилах. – Во что твой сын превратил буклет “Увариума”».

На листе от дорогого глянцевого буклета остался мой неуклюжий самолётик. Мама, стоявшая на пороге кухни в фартуке, лишь растерянно улыбнулась.

«Серёж, ну это же просто бумага...»

«Там был вложен тест! – голос отца взорвался, снова сорвавшись на крик. Он тыкал пальцем в смятый лист. – Пробный тест для поступления! А ты его... ты его изгадил!»

Он достал из внутреннего кармана пиджака потрёпанный буклет. На обложке высилась «Чёрная гора» Увариума – увенчанная шпильями, похожими на застывшие молнии. Он провёл пальцем по выгравированному гербу: паук, кот и русалка, сплетённые в единое целое.

«Там учатся лучшие. Из наших стен вышли президенты Федерации, создатели величайших артефактов... – он посмотрел на меня с таким отвращением, что я почувствовал себя грязью. – А мой наследник не может сложить из бумаги самолёт, не испортив при этом своё будущее!»

Я опустил глаза, пытаясь вспомнить, что было в буклете. Разве в одном листе бумаги может поместиться ещё и тест? Это была ловушка.

«Серёжа, ну что ты так разорался? – мама подошла ко мне, запахом свежего хлеба и корицы от неё пахло уютом и защитой. – Он, наверное, не знал. Да, Вася?»

Я быстро, как марионетка, кивнул.

«Вот тест, – она мягко, но настойчиво вынула буклет из рук отца и протянула мне чистый, ровный лист. – Все в нашей семье оканчивали “Увариум”. Твой прадед, кстати, был на Филис. Это очень почётно».

«Все мои прапрадеды, – не сдержался я, – а твои предки, мам, разве не из простой семьи? Безродные маги?»

Это была низость. Я знал, что это больное место для отца, выходца из древнего, но обедневшего рода.

На бледном лице отца снова выступили красные пятна. Казалось, сейчас лопнут сосуды в его глазах.

«Тебе пора браться за ум, а не за остроумие! Пока ты витаешь в облаках, твои сверстники уже воду в лёд превращают и предметы множат! Хоть бы столовые ложки! – Он с остервенением швырнул в свою кожаную сумку несколько ручек и магический кодекс. – Вчера мой коллега хвастался, что его сын сотворил несколько вилок! Я аж вспотеть успел от стыда, пока он это рассказывал!»

Отчаяние и злоба подступили к горлу комом.

«А почему тогда он сервис тебе не подарил? – выпалил я. – Может, у него тоже только вилки и получились?»

Воцарилась тишина, настолько густая, что в ушах зазвенело. Отец замер, повернувшись ко мне спиной. Он медленно, очень медленно выпрямился.

«Увидимся вечером, дорогая, – вдруг совершенно обыденно, почти ласково сказал он маме, поцеловал её в щёку и, не глядя на меня, вышел, на ходу натягивая чёрное пальто.»

Дверь захлопнулась с таким звуком, будто захлопнулась крышка гроба.

Я остался стоять в прихожей, один, с непослушным, тускло светящимся учебным кольцом на пальце и с одной-единственной мыслью, отбивающей такт в такт бешено стучащему сердцу:

«Приду с работы – сам займусь твоим обучением».

А за окном, как назло, выглянуло солнце, предательски сверкая на лужах, оставленных дождём.

ГЛАВА 2. БУМАЖНЫЕ ПТИЦЫ И СТАЛЬНЫЕ КОГТИ

Дверь в мою комнату я захлопнул с такой силой, что со стены упала рамка с фото – мы с родителями в Геленджике, два года назад, все улыбаемся. Стекло звонко треснуло, паутиной расходясь по нашим застывшим лицам. Мне было всё равно.

Я рухнул на кровать, зарывшись лицом в одеяло, которое ещё пахло прежним домом – тем, где отец не смотрел на меня как на чужого. Горькие слёзы текли по вискам, заливаясь в уши. Я не пытался их сдержать.

За дверью послышались осторожные шаги.

«Вася?» – голос мамы прозвучал приглушённо. «Открой, дорогой. Поговорим».

Я не ответил. Притворился, что меня нет. Сквозь шум в ушах уловил её тихий вздох – шаги затихли.

Лежать стало невыносимо. Я вскочил и начал метаться по комнате, как зверь в клетке. Взгляд упал на плакат, который отец приклеил вечным магическим клеем – «Кафедры Увариума». Сколько ни пытался отодрать, чтобы повесить постер с Элли, моей любимой поп-певицей, – ничего не получалось. Он висел как напоминание о долге, который я не выполню.

Три символа. Три пути, закрытых для меня.

Хинид: фиолетовый круг в серебряной паутине, с чёрным пауком в центре. «Прозрение и исцеление». Отец говорил, с этого факультета вышли знаменитые предсказатели и целители – та же Баба Яга, на деле Агата Гиблая. Меня это не интересовало. Ясновидящих многие недолюбливают – считают шарлатанами, ворующими мысли.

Филис: оранжевый квадрат с хмурой мордой кота-манула с жёлтыми глазами. «Самые умные и смекалистые».

«Хитрые», – поправил мысленно. Мама рассказывала, как отец с другом на первом курсе смастерили петарду из пылицы феи и чешуи дракона, устроив взрыв и отменив уроки. Оба выбились в люди. А я даже петарду не соберу.

Монтей: кафедра справедливости, только для девушек. Серебряный, треугольный щит с чешуйчатым хвостом русалки.

«Хоть за это не переживать», – подумал с горькой усмешкой. Будущие судьи и стратеги: княгиня Ольга, Анастасия Слуцкая, Марфа Борецкая – сильные, непоколебимые. Можно дышать ровно.

Нервным жестом дёрнул учебное кольцо – оно застряло, тускло светясь и вибрируя, словно насмехаясь. Прежний учитель говорил, дело в нехватке силы, в «непробуждённом канале». Но родители слышать об этом не желали: в нашей семье нет «непробуждённых» – только лентяи и бездари.

Вечером мама позвала ужинать. Отец задерживался. Она поглядывала на часы всё тревожнее, пальцы нервно перебирали край скатерти. Она всегда меня поддерживала. Если провалю тест – дорога в обычную школу, к обычным людям. Позор для Тумановых.

«Наверное, опять пробка на МКАДе», – вздохнула она, взмахом включив телевизор.

Новости скучные, пока экран не вспыхнул красным – экстренное включение. Диктор, сохраняя спокойствие, сообщал о смерче на съезде с МКАДа в северной Москве. Кадры хаотичные: перевёрнутые машины, пыль, паника. Спасатели не пробивались.

Мама вскочила, чашка с чаем опрокинулась, оставив тёмное пятно на скатерти.

«Сиди дома», – сказала она, натягивая плащ, который сам подлетел. «Я еду за папой».

Сердце упало в пятки.

«Один дома? Нет, я с тобой!»

Она не спорила, лишь кивнула – в глазах не строгость, а холодная решимость.

«Собирайся. Быстро».

Мама работала в Федерации магии, в отделе погодных аномалий. Но этот смерч возник из ниоткуда – ни циклона, ни всплеска. Как будто кто-то устроил хаос намеренно.

Мы примчались через тридцать минут. Картина пугающая: машины брошены, двери распахнуты, люди в укрытиях. Ветер выл, кружа обломки. В центре – гигантский чёрный столб, упирающийся в тучи.

Мама выскочила, игнорируя дождь. Подняла руки, прошептала заклинание. Сапфир на кольце вспыхнул алым – смерч рассеялся с тихим вздохом, как лопнувшая струна. Ветер стих, тишина звенела.

«Ничего страшного, дорогой», – спокойно сказала она, подхватывая отца из помятой машины. «Сейчас домой. Всё позади».

Со лба отца скатилась капля крови. Он в сознании, но взгляд мутный. Я выбежал помочь.

«Мама, сзади!» – закричал я.

Она рванулась в сторону. Машина пронеслась в сантиметре от головы, врезалась в фургон – взрыв. Волна отшвырнула меня на асфальт.

В глазах потемнело. Поднялся, отплёвываясь от крови и гари. Машины горели в кольце фиолетового пламени – без дыма, только жар.

Через ад шла тёмная фигура. Пламя расступалось, как псы.

Сердце заколотилось – та из кошмара.

«Вот мы и встретились, сестрёнка», – голос обволакивающий, сладкий яд.

Пальцы, чёрные от гари, впились в капот – оторвала, как фольгу. Швырнула в маму.

Та, дыша тяжело, со ссадиной на руке, взмахнула – капот остановился, полетел обратно. Мама кричала от боли, но не отступала, лицо в ярости.

Анна склонила голову, как хищная птица.

«Ни крестин... ни чаепитий...» – протянула. «Скажи, сестричка, я для тебя всего лишь тень? Недостойное пятно на репутации?»

Пальцы впились в металл – машина смялась в гармошку.

«Анна, а кто тебе мешал прийти?» – мама откашлялась, заслоняя отца, приходившего в себя. «Зачем ты здесь?»

«Твой муж украл у меня кое-что дорогое. После уговоров не признался, где спрятал. Теперь отдыхает».

С издёвкой она рванула горящий автомобиль на маму.

«Вася, беги!» – крикнула мама, ощутив меня. Обломки взлетели – барьер.

Анна обернулась.

«Я знаю, где ты, крысёныш».

Легковушка сменила траекторию – на меня.

«Ах да, забыла познакомиться. Зови тётя Анна», – голос как материнский, с безумием.

«А ты, сестра, погоди. Сначала мальчика, потом тебя».

Она прыгала по крышам, швыряя всё под руку. Я уворачивался, падал, вставал. Заклинания бесполезны против этой силы. В тринадцать лет – ничто. Кольцо вибрировало, сводя зубы.

Отвлёкся на родителей – рёв, ссадина на щеке. Лежал на спине, надо мной – тётка, направив обе руки в мою сторону.

Фиолетовое пламя струёй ударило в меня. Хохот и плач смешались воедино.

Ты... Не понимая страха в глазах мамы, я посмотрел на руки – они были такими же чёрными, как руки Анны.

«Тссс», – пальцы Анны прикрыли оскал. «Пусть родители поспят. Им несладко».

Молния к маме – в сантиметре. По лицу матери текли слёзы. Во мне вскипела ярость.

«Ты должен», «не сможешь».

Закричав от невыносимой обжигающей боли, фиолетовый огонь вокруг впитался и вышел из меня оглушительным хлопком, земля содрогнулась. Волна – потоком жара – отшвырнула Анну в пропасть.

Побежал к родителям. Мама обняла одной рукой, другой – зеркальце, и мы исчезли, оставив огонь, дым, эхо безумия.

Так жизнь перевернулась. Я не знал – настоящее путешествие только начинается.

ГЛАВА 3. МЕЗОРИУМ

Сознание возвращалось обрывками, как сигнал плохой связи. Пахло антисептиком и озоном – запах магического лечения. Я лежал на чём-то жёстком, укрытый до подбородка шершавым одеялом. Сквозь сон я слышал тихие голоса.

– ...стабилизирован, но магическая кома – штука сложная. Нервные каналы перегружены...

– ...сделайте всё возможное, Сергей Фёдорович...

– Он... он спас нас...

Последний голос был мамин. Он звучал хрипло, без привычной твёрдости. Я попытался открыть глаза, но веки были свинцовыми. Мир снова уплыл во тьму.

Очнулся я уже в палате. Белые стены, белый потолок, тихий гул прибора. Я повернул голову и увидел маму. Она сидела на стуле у моей кровати, уставившись в одну точку. В её руках был рассыпавшийся на мелкие фрагменты кулон – всё, что от него осталось. Она не плакала. Она выглядела опустошённой, будто кто-то выжег её изнутри.

– Мам... – моё горло было пересохшим, голос – чужим скрипом.

Она вздрогнула, встрепенулась, и на её лице на мгновение мелькнуло привычное, материнское выражение.

– Ты очнулся. Слава богам. – Она взяла мою руку. Её пальцы были холодными. – Не двигайся. Всё хорошо.

Это была ложь. И мы оба это знали.

Потом были допросы. Вернее, беседы со Стражами Федерации. Двое людей в строгих серых мундирах задавали одни и те же вопросы снова и снова.

– Кто эта женщина, Мария Викторовна?

– Вы уверены, что не знакомы с ней?

– Что она имела в виду, говоря о «краже»?

Мама сжимала мою руку так крепко, что кости хрустели. Её лицо было каменной маской.

– Я не знаю, – повторяла она безжизненным голосом. – Она, должно быть, сумасшедшая. Я никогда не видела её раньше.

Она лгала. Я видел неподдельный страх в её глазах, когда та женщина назвала её «сестрёнкой». Но тогда, в палате «Мезориума», я ещё не понимал всего масштаба этой лжи. Я лишь чувствовал, как между нами вырастает невидимая стена из её молчания.

Отца перевели в окружную больницу Федерации чародеев – специализированное учреждение, куда не пускали даже нас. «Там лечат самых тяжёлых», – сказал врач-гном, едва доставший мне до пояса. Его имя было Борислав, и борода у него была заплетена в замысловатые косы.

– Магическая кома, мальчик, – говорил он, поправляя очки, – это не просто сон. Это... сбой в самой ткани астрального тела. Его стабилизировали, но пробуждение – дело времени. И воли.

«Мезориум» оказался не таким, как я представлял больницу. Вместо лифтов – парящие мраморные платформы, мягко скользящие по этажам. Стены были увиты живыми растениями, которые тихо шелестели листьями и источали лёгкий успокаивающий аромат. Это место временно пугало и завораживало.

Однажды меня пустили к отцу. Он лежал за стеклянной стеной в стерильной палате, неподвижный, как изваяние. Над ним в воздухе кружили три светящихся шара – стабилизаторы, питавшие его магическое поле. Я прижался лбом к холодному стеклу, пытаюсь разглядеть хоть какое-то движение в его лице.

И вдруг один из шаров мигнул. Не предупреждающе, а странно, прерывисто. И в искажённом стеклянном отражении я увидел... её.

Искажённое кривизной стекла лицо Анны ухмыльнулось мне. Оно было прозрачным, как дымка, но её глаза горели знакомым фиолетовым огнём.

Я отпрянул, сердце заколотилось. Когда я снова посмотрел на стекло, там был только я – бледный, испуганный, с синяками под глазами. Это была галлюцинация. Должна была быть. Но холодный пот на спине говорил об обратном.

Следующие недели слились в одно серое, тоскливое пятно. Врачи лишь разводили руками. Мама стала пропадать на работе, а её лицо с каждым днём становилось всё более замкнутым. А потом к нам начала приходиться бабушка по маминной линии – Рита Емельяновна.

Она была глотком свежего воздуха в этом удушливом мире больниц и молчания. Невысокая, жилистая, с седыми волосами, собранными в строгий пучок, и пронзительными голубыми глазами, которые видели всё насквозь. В молодости она объездила полсвета, обожала бескрайний океан и постоянно о нём рассказывала. А ещё она учила меня готовить. Её фирменные макароны по-флотски, с идеально обжаренным фаршем и щепоткой какой-то особой приправы, стали для меня главным утешением.

Из-за огромных счетов за лечение и потерю работы мамой (ей пришлось уйти, чтобы ухаживать за отцом) нам пришлось переехать к бабушке – в маленькую однокомнатную хрущёвку в Выхино. Комнатка была заставлена бабушкиными сувенирами со всего мира, пахло старыми книгами, травами и тем самым океаном, который я никогда не видел.

– Как дела с учёбой, дорогой? – как-то раз спросила она, пока мы чистили картошку.

– Потихоньку учу лигвамагию, – соврал я, глядя на свои руки. Мама строго-настрого запретила мне рассказывать бабушке о нападении. Мы списали всё на автокатастрофу.

Но скрывать правду становилось всё труднее. Всплеск магической энергии, что был во мне в тот день на шоссе, иссяк, словно его и не было. Я снова стал тем самым Василием Тумановым – магическим нулём. И в один из вечеров, когда я в отчаянии пытался сдвинуть с места чайную ложку, учебное кольцо на моём пальце с тихим, печальным звоном треснуло. Прежде чем осколки упали на пол, они превратились в мелкую серебристую пыль.

Я замер, глядя на неё. Учебные кольца не ломаются. Никогда. Они просто перестают работать, если у хозяина нет сил. Но рассыпаться в пыль... Это провал.

Теперь мне приходилось скрывать не только правду об отце, но и свою полную, окончательную беспомощность.

В один из таких вечеров, после бабушкиных макарон, мы с ней дремали перед телевизором. Бабушка – на диване, я – в старом бабушкином кресле. Я мыл посуду на кухне, с тоской пытаюсь сдвинуть силой мысли чайную ложку. Безуспешно. Я уже почти смирился. Как говорил отец, всё, что делается легко, на самом деле достигнуто огромным трудом. А я, видимо, не трудился вовсе.

Я не заметил, как в окно постучали. Подумал – голубь. Но стук повторился – настойчивый, ритмичный, слишком разумный, чтобы быть птичьим.

Я обернулся.

За стеклом, вверх тормашками, висел худощавый мужчина в клетчатом жёлто-белом костюме. Его карие курчавые волосы торчали во все стороны, как одуванчик, а лицо расплывалось в самой беззаботной улыбке, которую я видел за последние месяцы.

– Бабушка! – я вскрикнул от неожиданности.

Рита Емельяновна вздрогнула и вбежала на кухню. Увидев висящего человека, она замерла, а потом рассмеялась.

– Егор Иванович? Ну и как тебя угораздило?

– С гравитационным заклинанием переборщил, – беззаботно парировал мужчина, словно висеть на пятом этаже вниз головой было в порядке вещей. – Боюсь я ваших лифтов-коробочек. Так и разбиться недолго!

Мы с бабушкой кое-как втащили его на кухню. Он оказался на удивление лёгким.

– А если люди тебя увидят? – беспокоилась бабушка, наливая чай. – Нас с Васей потом по инстанции затаскают!

– Не увидят, – успокоил её Егор Иванович, отряхивая свой нелепый костюм. – Федерация строго следит за конфиденциальностью. Люди не должны знать о нашем существовании. Простой обманной чарой обошёлся.

Я молча пожал его потную, но тёплую ладонь.

– Ты, наверное, гадаешь, зачем я пожаловал? – преподаватель пристально посмотрел на меня, и в его глазах плясали озорные огоньки.

Я пожал плечами, чувствуя, как внутри всё сжимается:

– Решил навестить бабушку? Или маму?

– Не может быть... с папой что-то случилось? – дрогнувшим голосом выпалил я.

– Нет-нет, с отцом всё без изменений, – поспешно ответил Егор Иванович и достал из внутреннего кармана пиджака нарядный белый свиток, перевязанный лентой цветов трёх кафедр – фиолетовой, оранжевой и серебряной.

Я сглотнул, готовясь к худшему. Уведомление о том, что меня не приняли в академию?

Егор Иванович с торжественным видом развернул свиток и начал зачитывать:

– «Здравствуйте, Василий Сергеевич Туманов! Рады сообщить, что Вы зачислены в первый класс магической академии “Увариум”. Ваши вступительные испытания были высоко оценены приёмной комиссией...»

Я онемел. Сидел, не шелохнувшись, словно воды в рот набрал. В голове гудело одно: «Я ведь не отправлял никакой тест».

А бабушка с Егором Ивановичем уже плясали от радости по старому красному ковру.

– Я знала, Егорка! Знала, что мой внук поступит! – ликовала бабушка. – Ирина была одной из лучших на нашем потоке, надеюсь, сын не подкачает. А уж про Льва я молчу – лучший дуэлянт по пин-болу!

– Ура, я так рад, – выдавил я наигранно-восторженным тоном, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

Вечером домой вернулась мама с тортом. Весь её бывший отдел, видимо, уже знал о моём «успехе». Пока я ел кусок шоколадного торта «Прага», в голове крутилась лишь одна мысль: я ведь не отправлял никакой тест. Всё помнилось сквозь туман того ужасного дня, но я был уверен – я даже не дописал его.

Проводив Егора Ивановича (тот, кстати, ушёл через дверь, пообещав «не искушать судьбу»), мама тронула меня за нос:

– Не вешай нос. Завтра выходной, едем за покупками. Целый день вместе.

Я бы обычно промычал что-то неодобрительное, но, увидев на её лице первую за долгое время улыбку – хрупкую, вымученную, но настоящую, – лишь кивнул. Сейчас важно было держаться. Ради неё.

Я быстро заснул на раскладном кресле, впервые представляя себе академию не как приговор, а как начало чего-то нового. И пусть это «новое» было окутано ложью и тайнами, оно было лучше неподвижного кошмара, в котором мы застряли.

Но в ту ночь мне снова приснилась Анна. Она стояла по ту сторону стекла, как тогда в больнице, и беззвучно смеялась, глядя, как я надеваю новую, ещё не купленную форму «Увариума». Её губы сложились в одно-единственное слово:

«Скоро».

ГЛАВА 4. ТЕЛЕЗЕРКАЛО

Семь утра. Я ненавижу просыпаться так рано. В памяти всплыли потрескавшиеся стены старой школы, скрип парт и тихий смех за спиной, когда я замирал у доски. Изгой. Казалось, тот мир навсегда позади.

В мае родители забрали мои документы. Отец тогда хлопнул дверью машины:

«В следующем году – академия!»

Я не поверил. Не верил до сих пор, сидя на краю раскладного кресла и глядя в серое бабушкино окно.

Я так и не признался маме, что не отправлял тест в «Увариум». Пусть думает, что её сын – не полный неудачник.

После завтрака мама достала с полки странное зеркальце в потёртой оправе с потускневшими рунами.

«Поедем без машины», – сказала она, и в глазах вспыхнул тот самый стальной блеск, что был в день нападения.

«На метро?»

«Нет. То место скрыто от посторонних глаз».

Она протянула зеркальце. Его поверхность была тёмной и жидкой, словно ртуть.

«Коснись – и поймёшь».

Я прикоснулся к холодной поверхности. Мир провалился. Меня подхватил и закрутил вихрь из блестящих осколков, отражений, мелькавших с невероятной скоростью. Ветер выл в ушах, вырывая из груди воздух. Я не успел даже сгруппироваться, как с глухим стуком приземлился на холодный мраморный пол. Воздух перехватило – не от боли, а от восторга и неожиданности.

Мама материализовалась рядом, как будто вышла из-за невидимого угла.

«Для первого раза неплохо. Главное – думать о месте назначения».

Мы стояли в огромном зале, похожем на вокзал. Вдоль стен висели ряды огромных зеркал в тяжёлых рамах. Они дышали: на поверхностях оседал лёгкий пар, а в глубине мелькали тени – отголоски путешественников. Из них то и дело выходили люди в дорожных плащах. У выхода светилось табло с названиями планов и измерений, а члены Черноморского патруля досматривали багаж. Высоченные окна пропускали лучи солнца, отражаясь в отполированном мраморе.

«Почему мы не воспользовались нашим зеркалом?» – спросил я.

«Зеркала вокзала – для больших расстояний, под контролем Федерации. А это – самодельное. Бабушка сделала его втайне. Работает только в черте города».

Безымянная улица оказалась в двух шагах. За поворотом на нас обрушился шум толпы. Причудливые дома росли сами по себе: один с фасадом из живых орхидей, другой с балконами-раковинами. Вывески манили: яркие и вырви глазные!

Мы закупились канцелярией в «Летописце»: тетради с моргающими существами, ручки с чёрной пастой. В «Арахне» мне подобрали форму – чёрный костюм и плащ со странными белыми разводами, которые должны были меняться с настроением. Выглядело как одежда приговорённого.

В «бабулиной лавке», среди банок с заспиртованными тварями, взяли крылья летучей мыши и кристалл горного ядра «для концентрации». Я уже валился с ног, когда мама ахнула, глядя в список.

«Кольцо! Мы забыли о самом главном!»

Магазинчик «Соколовский шик» притулился в глухом переулке. На дубовой двери болталась кривая табличка: «Всё продано». Буквы были выжжены так яростно, что дерево почернело.

Внутри пахло старыми книгами, воском и электрической грозой. Вместо яркого света здесь царил таинственный полумрак, нарушаемый лишь призрачным свечением витрин. Манекены из тёмного дерева плавно двигали руками, демонстрируя кольца, и от их полированной поверхности отсвечивали блики, словно от глаз живых существ.

За прилавком из чёрного оникса сидела девушка с рыжими волосами. На блузке сверкала брошь – разорванное кольцо, из трещины которого сыпались искрящиеся бусины. На бейдже алым золотом было выведено: «Анна №1».

«Здравствуйте», – голос мамы прозвучал громко в давящей тишине. «Нам требуется кольцо. Для мальчика, тринадцать лет».

Девушка медленно отложила ручку. Её взгляд был таким пронзительным и тяжёлым, что я невольно опустил свой.

«В академию собираетесь?» – она улыбнулась, и глаза сверкнули странным фиолетовым блеском.

«В первый класс», – кивнула мама.

«А тренировочное кольцо где? Обычно первокурсники приходят с ними».

Горло пересохло.

«Я... я его потерял», – выпалил я.

«Понятно. Следующая партия через год. Надеюсь, в следующий раз не опоздаете».

Мама с силой ударила ладонью по прилавку.

«Мы уйдём отсюда с кольцом. Или вызовем управляющего».

В глазах Анны будто переключили режим. Испуганно сорвав табличку «Всё продано», она улыbnулась:

«Добро пожаловать в “Соколовский шик”! Присаживайтесь, подберём вам кольцо».

На пустом месте возникли стол и стулья. Процесс подбора оказался унижительным. Первое кольцо отпрыгнуло в угол и почернело. Второе стало наливаясь свинцовой тяжестью. Третье брызнуло ледяной водой. Четвёртое рассыпалось в прах.

Анна приносила всё новые ларцы, её улыбка становилась шире и холоднее.

И тут мой взгляд упал на маленькую коробочку из жёлтого бархата. Она стояла в стороне, ничем не примечательная.

«А это?» – я указал на неё дрожащим пальцем.

«Это... брак. Не тратьте время».

«Мы хотим попробовать», – твёрдо сказала мама.

В бархатной коробочке лежало неброское серебряное кольцо с крупным желтоватым камнем. Я потянулся к нему... и кольцо встрепенулось.

С замиранием сердца я надел его на палец.

Мир взорвался болью. Раскалённое железо заполнило вены. Казалось, раскалённая проволока впивалась в кость. Белая вспышка ударила в глаза. Я закричал и рухнул на колени. Кольцо впилося в кожу раскалёнными клещами.

«Держись, сынок!» – пальцы мамы коснулись кольца, и боль вспыхнула с новой силой.

«Не трогайте его!» – Анна №1 отпрянула, её рука стала прозрачной. «Мастер! Соколов! Срочно!»

Сверху с грохотом сбежал мужчина – ростом с дверной косяк, в засаленной кожанке, с пышными усами. В его жилистых руках он сжимал огромные кузнечные клещи, раскалённые докрасна.

«Ага, опять гость не по чину!» – он отстранил маму, и его пальцы, покрытые старыми ожогами, уверенно обхватили мою руку. «Терпи, парень. Раз, и всё».

Он щёлкнул клещами. Раздался треск ломающегося хрусталя. Кольцо с жёлтым камнем лопнуло пополам. Искры, настоящие, раскалённые, брызнули во все стороны, оставив на прилавке мелкие опалины.

Но палец всё ещё пылал. Комната поплыла перед глазами.

И в этот момент...

Дзинь...

Едва слышный звон из дальнего угла нарастал, превращаясь в настойчивый гул. Дверца старого резного шкафа затряслась и с лёгким свистом распахнулась.

Из неё вырвался сноп ослепительного серебряного света. Он пронёсся через всю комнату и ударил мне в грудь. Тепло, как первое солнце после зимы. В ушах зазвенело, перед глазами взорвался фейерверк из миллионов звёзд. В этом хаосе я услышал тихий голос:

«Привет...»

Я очнулся на коленях у мамы. Её лицо было бледным, глаза полными слёз.

«Вася! Ты меня слышишь?»

Я медленно кивнул. Боль исчезла. На пальце не было ожога – лишь тонкий розоватый рубец. А на нём... то самое кольцо.

Теперь я разглядел его. Изысканная незавершённая спираль из матового серебра, напоминающая застывшую морскую пену. В её объятиях покоился тёмно-синий камень. Две серебряные волны, держащие его, едва заметно шевелились, словно дыша.

Я дотронулся до кольца и почувствовал лёгкую пульсацию – будто второе сердце билось в такт моему.

«У-у-у-ра-ра!» – мастер Соколов заплясал посреди мастерской. «Видали? А? Видали?! От такого гармоничного слияния мой помощник-мимик в лужу расплатился!»

А я думал, что поймал не ту комету, – промелькнуло в голове. Эта Леммон была такой яркой, что я чуть не ослеп.

Мастер, видя моё ошеломлённое лицо, расхохотался пуще прежнего.

Он подошёл ко мне, сияя.

«Это кольцо...» – он понизил голос. «Моё первое кольцо. Я думал, оно нерабочее. А выходит, оно дождалось своего хозяина. Не снимайте его».

ГЛАВА 5. МЕЖ ДВУХ БЕРЕГОВ

Сердце сжималось от тоски, похожей на физическую боль. Мы стояли в том же зеркальном зале, но теперь я видел его иначе – не воротами в волшебный мир, а барьером, отделяющим меня от дома. От мамы.

«Мама, я буду скучать», – мой голос дрогнул.

«И я, мой дорогой», – она крепко обняла меня, и я уткнулся лицом в её плечо, вдыхая знакомый запах домашнего уюта. «Пиши каждый день».

«Обещаю».

Я медленно поднимался по трапу огромного белоснежного теплохода «Аврора». Впервые в жизни я уплывал так далеко один. Отец рассказывал, что академия находится за горными вершинами северных широт, куда нельзя добраться телепортацией. Я считал это сказкой.

А теперь я стоял на палубе и махал маме на прощание. В горле стоял ком.

«Я вернусь!» – крикнул я, и ветер унёс мои слова.

Мама плакала, но не отводила взгляда. «Если бы папа был сейчас с ней», – пронеслось в голове. Но он был далеко, в своей стеклянной камере.

Гудок теплохода, такой громкий, что заложило уши, прогнал раздражающие душу мысли. Судно плавно отошло от причала. Я стоял, пока мамин силуэт не растворился в туманной дали.

Моя каюта оказалась крошечной: односпальная кровать, столик и иллюминатор, в котором уже не было ничего, кроме серой воды и неба. Стресс последних недель свалил меня как подкошенного.

Проснувшись от странной тишины, я вышел на нос корабля. Больше никого не было. И тогда я впервые в жизни увидел океан.

Не на картинках. Наяву.

Он был бескрайним. Серо-зелёным, суровым, живым. Волны с ленивой мощью накатывали на корпус. Пахло солью, водорослями и чем-то острым, диким – свободой. В этом дыхании океана не было ни папиных упрёков, ни маминой тревоги, ни тёти Анны. Была только яростная, равнодушная красота.

«Привет!»

Я обернулся. На палубе стоял белокурый мальчик. Его кожа была бледной, как первый снег, а глаза – ярко-синими, словно выточенные из льда. Он был уже в полной форме «Увариума». В руках он держал кожаную папку и что-то старательно вырисовывал, поглядывая на меня.

«Привет!» – крикнул я, пересилив себя.

Ветер рванул с новой силой. В этот момент чайка, привлечённая блестящей пружиной его папки, пикировала прямо на него.

«Эй, оставь!»

Было поздно. Птица выдернула пружину, и листы с рисунками разлетелись по палубе. Я бросился помогать собирать. Несколько листов уже унесло в море.

«Ну и почему ты не смог произнести элементарный хлопок?» – с досадой проворчал мальчик. «Это же базовое заклинание отпугивания!»

«Извини, я не успел», – виновато пробормотал я.

«Меня зовут Марк Горский». – Он внезапно протянул руку. Его рукопожатие было твёрдым.

«Василий Туманов».

«Странный у тебя камень», – заметил Марк, глядя на моё кольцо. «Ни разу не видел, чтобы кольцо так мерцало. Будто дышит».

Я непроизвольно прикрыл руку.

«Оно новое».

«Понимаю». – Он кивнул, но во взгляде читалось любопытство. «Пойдём завтракать? Я слышал, здесь готовят отличные блинчики с морошкой».

В ресторане было шумно и тесно. За одним столом сидели мы, первоклашки, робко оглядываясь по сторонам. А за стеклянной перегородкой – старшеклассники. Они смотрели на нас снисходительно.

«Им запрещено с нами общаться, пока мы не пройдем Испытание Фонтана Истины», – пояснил Марк. «Такая традиция».

«Моя сестра говорила, не каждый его проходит», – добавила рыжеволосая девочка с торчащими в разные стороны косичками.

«Люся, не наводи панику!» – огрызнулся сосед по столу. «Это они нас запугивают!»

Тревога сдавила мне горло. Я посмотрел на своё кольцо.

«Надеюсь, если я не пройду, меня отправят домой...» – пробормотал я себе под нос.

Марк, сидевший рядом, услышал и хлопнул меня по плечу.

«Не переживай! Всё будет хорошо. Вот расскажу тебе про правила пин-бола...»

Его речь прервал взрыв смеха от соседнего столика.

«Лиза, Алиса, смотрите, какое убожество!» – визгливый голос принадлежал девочке с уродливо огромным бантом. Она указывала пальцем на скромно одетую девочку. «Это Настя Коробок. Её отец – начальник охраны в банке эльфов. Такая же взбалмошная, как и он!»

Марк застыл. Его лицо стало невозмутимым, но я заметил, как сжались его пальцы на ложке.

«Её отец работает с моим», – тихо сказал он мне. «Как-то раз она приходила к нам в гости... устроила хаос с чёрной каракатицей».

«Ох», – я только и смог выдохнуть.

Мы поскорее закончили завтрак и вышли на палубу. Воздух снова ударил в лицо – свежий, солёный, очищающий.

«Не обращай внимания на них», – сказал Марк, глядя на горизонт. «В каждой школе есть свои Лизы. Главное – не дать им понять, что их слова ранят».

«А тебе не страшно?» – не удержался я.

Марк повернулся ко мне. Его ледяные глаза были серьёзными.

«Конечно, страшно. Но это же и есть самое интересное, правда? Неизвестность. Мы же не просто в какую-то школу едем. Мы плывём в “Увариум”». – Он улыбнулся. «Это того стоит».

Я посмотрел на воду, на бескрайнюю ширь, и впервые за этот день почувствовал не тоску, а лёгкое, трепетное ожидание. Возможно, он был прав.

В этот момент солнце померкло. Свинцовые тучи накрыли небо с пугающей скоростью. Ветер, ещё недавно ласковый, завыл и рванул так, что я едва устоял на ногах.

«Шторм!» – крикнул Марк. «Быстрее вниз!»

Но было поздно. «Аврора» вздрогнула и накренилась. Гора зелёной воды обрушилась на палубу. Ледяная пена захлестнула меня, потащила к борту. Я успел увидеть испуганное лицо Марка, протянувшуюся руку...

Мир перевернулся, и меня поглотила темнота.

ГЛАВА 6. ИСПЫТАНИЕ

Последнее, что я помнил перед тем, как мир перевернулся, – это пронзительный, до боли знакомый крик чайки. Тот самый, что раздался на палубе. Он слился с моим собственным вскриком, когда палуба ушла из-под ног, и я, отброшенный чудовищной силой, полетел вниз, в ледяную пучину. Оглушительный удар о воду, хлёткий холод, выжигающий лёгкие, и мир погрузился во тьму.

Я очнулся от того, что по лицу стекала ледяная солёная вода. Голова раскалывалась, во рту стоял вкус крови и соли. Я попытался встать, но тело не слушалось, будто налилось свинцом. Сколько я пролежал без сознания? Где корабль? Где Марк?

В памяти всплывали обрывки: палуба, чей-то отчаянный крик, оглушительный грохот, а потом – тишина и холод.

Я с трудом перевернулся на бок. Подо мной хрустел не песок, а чёрная, словно уголь, галька. Ледяные волны с рокотом накатывали на берег, цепляясь за валуны своими пенистыми «когтями». Впереди, за плотной стеной тумана, стоял древний, непроходимый лес. Его чаща казалась абсолютно тёмной, бездонной.

«Кто-то явно не хочет, чтобы я учился в “Увариуме”», – промелькнула тревожная мысль, острая и ясная.

Одежда на мне была мокрой и разорвана в клочья. Осматриваясь, я наткнулся взглядом на нечто нелепое и жуткое: у кромки воды валялись старые розовые шлёпанцы в белый горошек. Выглядели они так, будто их хозяйку постигла печальная участь.

«Вот и начало моего великого пути», – с горькой иронией подумал я, натягивая их на босые, замёрзшие ноги. Они были на несколько размеров больше, хлюпали и постоянно слетали.

Чаща встретила меня враждебно. Колючие ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, будто пытались удержать. Я шёл, ориентируясь на слабый просвет в кронах, казавшийся единственным спасением. И вот, сделав последний шаг, я замер.

Прямо передо мной зияла пропасть. Глубоко внизу, в туманной дымке, блестела узкая лента реки, обрывающаяся где-то дальше водопадом.

«Спуск здесь невозможен», – с горечью констатировал я.

В этот момент сзади раздался глухой, влажный рык. Медленный, тяжёлый. Я медленно обернулся.

Из-за ствола векового дуба на меня смотрел медведь. Огромный, с влажной, слипшейся шерстью, покрытой лесным сором и хвоей. Но самое жуткое – его глаза. Не звериные, а странно осознанные, разумные, полные немой, холодной ненависти. И на его массивной груди алел лоскут чего-то тёмно-красного, похожего на обрывок бархатного камзола.

Шаг вперёд. Ещё один. Его дыхание, горячее и тяжёлое, достигло моего лица. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Бежать? Но куда? За спиной – бездна.

«Ты не настоящий», – прошептал я, отступая к самому краю. Камни посыпались из-под моих пяток в пропасть. «Ты часть испытания».

Медведь оскалится, будто понял мои слова, и бросился вперёд с оглушительным рёвом.

Раздумывать было некогда. С отчаянным криком, в котором смешались страх и ярость, я оттолкнулся от края и прыгнул в пропасть.

Падение длилось вечность. Ветер свистел в ушах, вырывая из груди последний воздух. Я видел, как приближается тёмная вода, и успел понять, что это конец.

Удар о воду был оглушительным. Холод пронзил до костей, темнота сомкнулась над головой. «Конец...»

Но вдруг – резкий рывок. Чьи-то сильные руки подхватили меня. Смутные голоса. Вспышка ослепляющего света. И я снова потерял сознание.

Очнулся я снова в воде, но уже в бурной, стремительной горной реке. Течение неистово несло меня вперёд, к грохоту, который нарастал с каждой секундой. Водопад! На берегу, на сухой ветке, сидел тот самый медведь. Он следил за мной своим человеческим взглядом, и мне показалось, что в его пасти мелькнула издевательская ухмылка. Он был уверен, что я не выживу.

Собрав последние силы, я глубоко вдохнул и сгруппировался перед тем, как поток швырнул меня вниз. Удар о воду отозвался во всём теле огненной болью, в глазах потемнело. Я боролся, пытаюсь всплыть, но течение с неумолимой силой тащило меня ко дну. Наконец, мне удалось вынырнуть и выбраться на каменистый берег в тихой заводи. Я лежал, без сил, глотая воздух и чувствуя, как всё тело отчаянно болит.

Впереди, в центре долины, высилась чёрная гора, та самая, что была на буклете. Увариум. К ней вёл узкий каменный мост с аркой, на которой была высечена надпись:

«Душа чиста – тогда пройди сквозь арку, но если есть в тебе хоть грамм коварства и наживы, то миг ты превратишься в прах забытый».

После медведя в камзоле и водопада меня уже ничем нельзя было удивить. Я шагнул под арку.

Сильный порыв ветра, тёплого и пахнущего озоном, обжёг лицо. Я зажмурился. Когда открыл глаза, на мне была не рваная одежда, а серая учебная форма с белыми рукавами и тёмно-синий плащ. На ногах – крепкие кожаные туфли. Я сбросил с себя старые шлёпанцы, и они тут же рассыпались в пыль.

Дорога привела меня к тупику – входу в пещеру, стены которой были сплошь из кривых зеркал. Вдали виднелся свет. Сделав первый шаг, я услышал шёпот, исходящий от самого первого отражения – моего, но искажённого, с осунувшимся лицом и пустыми глазами.

«Ты слабый. Зачем тебе отсюда выходить? Иди домой».

«Он прав», – просипело другое отражение с кривым носом и злобной гримасой. «Сдайся. Ты никому не нужен. Даже отцу».

Я шёл, стиснув зубы, не обращая внимания на их голоса. Они твердили о моих провалах, о насмешках, о разочаровании в глазах отца. Казалось, прошла вечность, прежде чем я выбрался на свежий воздух и увидел перед собой глухую каменную стену, преграждавшую путь к горе.

Отчаяние снова подступило к горлу. Я был так близко!

«Как я вижу, вам нужна помощь», – раздался звонкий, насмешливый голосок с дерева.

Я обернулся. На ветке сидел, раскачивая ногами, юноша размером с ладонь с прозрачными, переливающимися крыльями за спиной. Это был Август.

«Если вы знаете, как открыть проход, я буду очень благодарен», – выдохнул я.

«У меня есть условие», – хихикнул он. «Вы должны накормить меня обедом».

«Хорошо», – без раздумий согласился я. Что ещё оставалось?

Парень размером с банку вылетел из листьев, кинул в стену горсть золотистой пыльцы, и каменная глыба со скрежетом отъехала в сторону.

«Я – Август», – представился он, паря в воздухе.

«Василий».

Мы вошли в туннель.

«Бежим!» – скомандовал Август, и я, не раздумывая, рванул за ним по каменному мосту над бездной. В конце его были огромные кованые ворота. Я уже хотел толкнуть их, когда из темноты вышла высокая девушка с карими глазами и тёмными волосами, заплетёнными в сложную косу. На ней была форма Монтей.

«Здравствуй, Василий. Поздравляю, ты прошёл. Пойдём, тебя ждут».

Мы двинулись по бесконечно длинному туннелю. Меня охватила клаустрофобия. «А вдруг я больше никогда не увижу солнца?» Наконец, мы вышли к внутреннему пространству чёрной горы.

Дыхание перехватило. Вся гора была академией «Увариум». В её базальтовой толще были вырезаны гигантские окна, а в центре сияло круглое витражное окно с гербом: фиолетовый паук, золотая морда кота-манула и серебряный хвост русалки. У входа, охраняемые каменными барсами, стояли три исполинских атланта. Я дотронулся до двери, инкрустированной самоцветами, и она бесшумно отворилась.

Внутри был огромный мраморный холл, погружённый в полумглу. Он был пуст.

«В таком виде точно нельзя идти», – сказала проводница и, шепнув заклинание, высушила мою одежду тёплым ветром. «Теперь в порядке! Вперед!»

Мы побежали к свету в конце зала. Проводница исчезла, а я, оставшись один, услышал голоса за дверью. Август, дрожа, вылез из-за моего воротника. Спрятавшись за картиной. Я даже не заметил, как он так внезапно уменьшился. В центре зала стоял белый фонтан – простой, каменный, с тихо струящейся водой. Что-то внутри подсказало мне дотронуться до воды. Я протянул руку, и она забурлила. В руке я ощутил какой-то маленький, твёрдый предмет.

В этот момент дверь распахнулась, и моя проводница буквально протащила меня внутрь, мимо огромного охранника.

Я оказался в каменном зале под стеклянным куполом, по которому плавали стаи лососей и огромные скаты. Тысячи глаз уставились на меня. На сцене директор, суровый мужчина с идеальной причёской, говорил:

«Наша последняя ученица, Ирина Воробьёва, прошла испытание. Набор окончен».

Сердце упало. Я опоздал.

«А я?» – прозвучал мой собственный голос, сорвавшийся с губ.

Повисла напряжённая тишина. Директор холодно посмотрел на меня, и в его глазах не было ни капли удивления.

«Вы опоздали. И, что важнее, не использовали магию для прохождения испытаний. Фонтан Истины иссяк для таких, как вы. Ждём через год».

Вокруг поднялся шум. Ярость и отчаяние подступили к горлу. Вся боль, все усилия, весь страх – всё это оказалось напрасным.

«Меня никто не оповещал о таких правилах!» – крикнул я, и мои слова эхом разнеслись по залу.

«Мы никого не обязаны оповещать», – голос директора стал ядовитым, шипящим. «И если бы вы знали, то поняли: Фонтан может не только принять, но и забрать силы. Хотя у вас их и нет».

Это был последний камень, перевесивший чашу терпения. Я почувствовал, как по руке от кольца вверх побежало знакомое, обжигающее тепло. Ярость. Чистая, неконтролируемая ярость.

Я не слушал, что происходило вокруг. Шаг за шагом я подходил к фонтану. Свист и крики толпы доносились словно издали, сквозь гул в ушах. Я протянул руку.

Вода, которая секунду назад была прозрачной, взорвалась ослепительной серебряной вспышкой. Но это был не свет, а скорее жидкое сияние. Оно не обожгло, а обняло меня, проникло в каждую клеточку. Воздух зазвенел, как тысяча хрустальных колокольчиков.

Я почувствовал, как грубая ткань моей формы на глазах превращается в нечто невесомое и прочное. По рукам от запястий к плечам поползла приятная прохлада, и я увидел, как на коже проявляется причудливый узор – словно мою кожу покрыла сияющая лунная чешуя. Она переливалась перламутром и была на ощупь гладкой, как полированный металл, но гнулась и двигалась вместе со мной, как вторая кожа.

Плащ на моих плечах взмыл, как живой, и его серый цвет вспенился и потемнел, пока не стал цветом ночного неба в полнолуние – глубоким, бархатно-синим, и по этой синеве рассыпались крошечные искорки, словно звёзды. В левой ладони что-то сжалось. Я разжал пальцы и увидел, как из ничего формируется чёрный значок. Он был тёплым и пульсировал в такт моему сердцу. На моих глазах он превратился в небольшой щит, на котором серебром был выгравирован изящный русалочий хвост, а вокруг него – мои инициалы: В.В. Туманов.

Из толпы вышла рослая девушка в такой же сияющей форме. Её глаза, цвета морской волны, светились одобрением. Она бережно взяла значок, и он сам притянулся к левой стороне моей груди, зафиксировавшись с тихим щелчком. Прикосновение значка к ткани вызвало новую волну преобразования: по краю плаща засверкала серебряная вышивка, повторяющая узор чешуи на моих руках.

«Поздравляю», – её голос прозвучал чётко и ясно, заглушая шепот толпы. «Фонтан Истины признал в тебе своего. Ты зачислен на кафедру правосудия и справедливости – Монтей».

Я чувствовал невероятную лёгкость и силу. Энергия билась через край, мир вокруг казался чётче, ярче. Но перегрузка оказалась слишком сильной. Последнее, что я увидел, прежде чем мир погрузился во тьму, – это сияние собственных рук и восхищённый взгляд Августа, выглядывающего из-за колонны.

ГЛАВА 7. ПОСВЯЩЕНИЕ

Я проснулся до звонка. За окном шумел океан.

В дверь постучали. На пороге стояла Ангелина.

«Проснулся? Отлично. Покажу тебе нашу кафедру».

Мы поднялись на седьмой этаж. Коридор заканчивался тупиком с ниспадающим водным потоком. Вода струилась по каменной стене, искрясь в утреннем свете.

«Смотри», – Ангелина провела рукой перед водопадом.

Вода расступилась, открывая скрытую дверь из тёмного дерева с серебряной инкрустацией в виде русалочьего хвоста.

«Добро пожаловать в сердце Монтей», – она улыбнулась и распахнула дверь.

Общий зал кафедры Монтей встретил меня не только тишиной и величием, но и шёпотом удивления. Несколько девушек, сидевших на бархатных диванах, замерли с полуоткрытыми ртами.

«Правда... Правда он будет с нами учиться?» – прошептала рыжеволосая девушка с веснушками.

«Говорили, но я не верила», – отозвалась её подруга с тёмными косами. «Парень на Монтей... За всю историю!»

Я почувствовал, как краснею под этими взглядами – смесью любопытства, недоверия и интереса.

Ангелина громко объявила:

«Девушки, знакомьтесь – Василий Туманов. Наш новый студент. Да, вы не ослышались. Первый парень на кафедре Монтей».

Шёпот стал громче. Кто-то сдержанно ахнул.

Огромный зал с высоким сводчатым потолком казался ещё больше под пристальными взглядами. Огромные окна в пол, выходившие в толщу океана, были затянуты сине-серебря-

ными шёлковыми шторами. Бархатные диваны цвета морской волны стояли полукругом перед камином, где вместо огня танцевало холодное, голубое пламя.

На витраже главного окна красовался герб Монтей – русалочий хвост, обвивающий весы правосудия. А у книжных полок висел портрет девушки с русыми волосами и ледяными голубыми глазами. Её взгляд теперь казался мне особенно изучающим.

Я поднял голову и ахнул. Вместо потолка над нами простирался гигантский аквариум. Серебряные рыбы и существа с щупальцами лениво плавали в прозрачной воде.

«Доброе утро, Вася!» – раздался голос с лестницы.

По винтовой лестнице, вырезанной из гигантской раковины, спускались ещё несколько девушек. Их взгляды тоже выражали нескрываемое удивление.

«Садись завтракать», – Ангелина указала на длинный ореховый стол. «Привыкай к вниманию. Для них это тоже впервые».

За завтраком я почти не слушал объяснения – в голове крутились вчерашние события, а по спине бегали мурашки от постоянно ощущаемых на себе взглядов.

«А теперь покажу тебя твою комнату», – Ангелина поднялась.

Мы поднялись по лестнице на антресоль. Она распахнула скрипучую дубовую дверь.

В комнате было огромное полукруглое окно, за которым простирался бескрайний океан, и старая кровать с балдахином из голубого шёлка.

«Вот тебе повезло», – фыркнула одна из первоклашек, Леля, стоявшая в дверях с подругами. «Отдельная комнатка. А мы вшестером в дортуоре. И ещё парень... Невероятно!»

«Леля, хватит!» – прикрикнула Ангелина. «У нас двадцать минут до общего сбора».

Пять девочек и я. Я чувствовал себя как в аквариуме – все на виду.

«Почему нас так мало?» – не удержался я, когда мы спускались.

«Фонтан Истины очень придирчив», – пояснила Ангелина, бросая взгляд на группу девушек, которые тут же отвели глаза. «Он анализирует не силу, а душу. Видимо, твоя душа оказалась достаточно... необычной».

Мы вышли через другой выход – в океанариум. Стекланный тоннель с пола до потолка, а за стеклом – подводный мир. Даже здесь несколько студенток остановились, чтобы посмотреть на меня.

Лифт нёсся по виражам. Я, ненавидящий высоту, онемел от ужаса. Наконец мы оказались в Белом холле.

Ангелина ненадолго отлучилась, и тут же кто-то грубо толкнул меня.

«Эй, посторонись, мешаешь старшим!»

Передо мной стояла толпа пятиклассников из Филис во главе с Ильёй Ивановым.

«Проходите», – ледяным тоном сказал я.

В ответ в меня полетел шарик с чернилами. Я инстинктивно прикрыл лицо рукой.

«Смотрите, он даже не может защититься!» – завопил Илья. «Речная фея даже щит поставить не умеет!»

«Илья Иванов!» – раздался громовой голос. «Филис штрафует!»

Из толпы вышел Егор Иванович Злотый. Илья побледнел и ретировался.

А я, сам не поняв как, дважды взмахнул рукой – и чернильные пятна исчезли.

Вернувшаяся Ангелина была недовольна.

«Ничего, они у меня ещё попляшут».

«Василий Туманов!» – меня выдернули из размышлений. «Кафедра Монтей, первый класс!»

Все уставились на меня. Вручая ученический билет, преподаватель строго сказал:

«Без него ты как без рук. И... постарайся не взрывать в этот раз ничего крупнее Фонтана».

Под сдержанный смех и шёпоток я пошёл к своему корпусу. «Смотрите, это тот самый парень с Монтей», – донёлось до меня из группы старшеклассниц.

Я не знал, радоваться мне или нет. Я был там, где должен был быть. Но цена за это место – быть вечным объектом внимания – росла с каждой минутой.

ГЛАВА 8. ПЕРВЫЕ УРОКИ

Повернув налево из изумрудного коридора, я оказался перед общим холлом, где собирались студенты перед уроками. И бурлил он, судя по всему, из-за меня. Группы учеников из Филис и Хинид оживлённо обсуждали вчерашнее происшествие. Моё имя слышалось в этом гуле то тут, то там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.